

Лин Чжи на мгновение задумался, затем, лукаво прищурившись, проговорил:

— Тогда всё зависит от твоего выбора. А я подберу себе цель где-нибудь поближе.

Он давно привык плести искусные сети из красивых слов и не выказал ни тени раскаяния. Его слова звучали так, будто он и вправду всерьёз строил совместные планы с Сун Цзячжу.

Их отношения оставались неопределёнными, словно взгляд на луну сквозь тончайшую вуаль. Под внешним спокойствием бурлил скрытый поток невысказанных чувств. Это была опасная, особенная близость, и Лин Чжи не собирался становиться тем, кто первым сорвёт эту вуаль.

Сун Цзячжу хотел было развеять эту недосказанность, но боялся, что подошёл ещё недостаточно близко, что ещё не заслужил права произнести признание, которое будет принято.

Он написал название своего идеального университета на листе бумаги и положил перед Лин Чжи. Не скрывая радости от того, что их жизненные пути могут переплестись в общем будущем, юноша подпёр щеку рукой и уставился на собеседника.

Раньше Сун Цзячжу никогда бы так не сделал. Но после того, как он узнал Лин Чжи ближе и проникся к нему симпатией, некоторые его жесты стали невольно подражать манерам друга. Лин Чжи часто вот так, подперев щеку, смотрел на него, и теперь юноша бессознательно повторил этот жест.

Очевидно, что созданная Лин Чжи двусмысленность и густая атмосфера близости совершенно опьянили его.

На бумаге было название одного из лучших университетов страны по направлению физики. Стало ясно, что Сун Цзячжу метит в научных сотрудники. Это ему подходило. Погрузившись с головой в мир знаний, занимаясь исследованиями, требующими уединения и терпения, он не испытывал бы особых трудностей, даже не имея возможности говорить.

Лин Чжи почти мог предвидеть его дальнейший жизненный путь, но эта траектория не была стабильной. Если бы она была стабильной, Сун Цзячжу не покончил бы с собой в будущем.

Оба объекта спасения, с которыми он столкнулся, не проявляли явных признаков саморазрушения. Но скрытая угроза могла быть куда страшнее, а неспособность контролировать себя — тем более.

Лин Чжи получил от 01 предварительную информацию о состоянии создателя. Его болезнь приводила к постоянному расщеплению личности и сопровождалась сильной тягой к

саморазрушению. Его сознание непрерывно твердило ему, что смерть — это решение всех проблем. Болезнь, не зависящая от силы воли.

Невозможность контролировать собственные мысли и даже собственную жизнь и смерть — это мучительно. Он восхищался стойкостью создателя и тем, что тот не прекращал искать способы спасти себя.

От этих мыслей взгляд Лин Чжи на Сун Цзячжу невольно смягчился, окрасившись ноткой сострадания. Он сделал вид, что колеблется:

— Эта цель для меня пока слишком далека.

Прежде чем Сун Цзячжу успел в спешке что-то объяснить, он весело добавил:

— Так что тебе придётся и дальше бесплатно меня подтягивать.

Сун Цзячжу кивнул, склонился над бумагой и, написав несколько строк, протянул листок.

Он боялся, что на языке жестов его мысль будет неясной, что Лин Чжи может неправильно понять какой-то жест, поэтому решил выразить всё в письменном виде.

«Не дави на себя. Выбирай любое место, которое тебе нравится. У людей с общей целью шаги всегда совпадают».

Сун Цзячжу не хотел, чтобы Лин Чжи подстраивался под него. Он хотел быть с ним ближе, и это касалось не только физического расстояния. Когда сердца рядом, разве километры имеют значение?

Сун Цзячжу был из тех, кто, поставив цель, не сворачивает с пути. Он уже решил, что даже если они окажутся в разных городах, после окончания учёбы он постарается найти работу исследователем поближе к Лин Чжи.

Когда хочешь кого-то видеть, никакие расстояния не страшны.

Лин Чжи убрал записку и поманил юношу пальцем. Тот наклонился и услышал, как Лин Чжи, смеясь, прошептал ему на ухо:

— Оказывается, наш Маленький немой — великий философ.

Мочка уха Сун Цзячжу вспыхнула, и румянец медленно пополз вниз по шее.

Сидящая за ними Ван Лин тихонько ахнула и, повернувшись к Хэ Юйцин, начала обмениваться с ней многозначительными взглядами.

Хотя они не слышали, о чём те говорили, и не видели, что писали, даже со спины атмосфера между ними была настолько волнующей, что заставляла их сердца трепетать. Девушки не то чтобы сводили их как пару, просто им нравилось видеть, что такой холодный и отстранённый гений теперь обрёл по-настоящему близкого друга.

Лю Гао рассеянно потёр переносицу, бессознательно чиркая ручкой по черновику.

Несмотря на то, что он сидел прямо за Лин Чжи, они почти не общались. Тот был слишком замкнут и говорил, только когда к нему обращались. Лю Гао несколько раз пытался пригласить его куда-нибудь, но всегда получал отказ. Лин Чжи произносил слова отказа так спокойно, что даже разочарование Лю Гао становилось каким-то размытым.

Он хотел подружиться с ним, но с разочарованием обнаружил, что это невероятно трудно. Разве что ему, подобно Хэ Юйцин и её подругам, стоило просто без умолку говорить с ним? Но ведь он был парнем, почему же ему казалось, что найти к Лин Чжи подход сложнее, чем девушкам?

В конце вечерних занятий Лю Гао наконец нашёл удачный повод для разговора.

— Как поживает тот Цзиньхуансин, что я помог выбрать? Сейчас зима, он, наверное, уже не такой живой.

Лю Гао подумал, что так они смогут развить тему растений. Если с суккулентом возникнут проблемы, он сможет предложить свою помощь.

Движения Сун Цзячжу замерли, пальцы досадно сжались в кулак.

Опять эта невозможность говорить. А ведь ему так хотелось сказать: «С тем суккулентом всё отлично, он стоит у меня на столе, и каждый вечер Лин Чжи может видеть его по видеосвязи».

А потом добавить: «Так это ты его подарил?»

Но юноша не мог издать ни звука, а объясняться сейчас на языке жестов... мало того, что соперник не поймёт, так и он сам почувствует себя проигравшим.

Лин Чжи взглянул на Сун Цзячжу и ответил:

— С ним всё в порядке. Тот, кто о нём заботится, очень внимателен.

Лю Гао на мгновение замер.

— Так это был подарок?

Лин Чжи кивнул.

— Да, я покупал его в подарок.

Больше он ничего не сказал, и Лю Гао, не зная, как продолжить разговор, мог лишь поспешно кивнуть и, бросив на прощание «если что-то понадобится, я могу помочь с выбором», торопливо уйти, словно спасаясь бегством.

Лин Чжи проводил его взглядом. По тому, как Лю Гао изредка посматривал на него после покупки цветка, он догадывался о чувствах одноклассника. Юношеские эмоции были такими прямолинейными, а мысли — такими простыми. Для него, так долго вращавшегося в лабиринтах человеческих отношений, всё это было слишком очевидно.

Но он не собирался ничего прояснять. Хотя это и был виртуальный мир, который исчезнет после завершения миссии, до этого момента у каждого здесь была своя жизнь, и не стоило вмешиваться в эту сложную, туманную историю.

Хотя его фетишем были девственники — из-за его почти болезненной чистоплотности, — это не означало, что ему нравился каждый из них. Это был лишь базовый критерий выбора партнёра. Помимо этого, существовало множество других вещей, то самое «чувство», которое трудно выразить словами.

Лин Чжи уже собирался отвести взгляд, как его запястье перехватила чужая рука. Сун Цзячжу с невозмутимым видом потянул его из класса. Тот парень уже ушёл, так чего на него смотреть?

В классе было ещё довольно много учеников, собиравших вещи. Свет в коридоре был тусклым, и в общей суете их уход остался незамеченным.

Чтобы ученики не задерживались в здании допоздна, свет на этажах отключали в десять десять, а входные двери запирали в десять тридцать. Перед закрытием охранник делал обход.

Все торопились уйти до того, как погаснет свет. Сун Цзячжу и Лин Чжи вместе с толпой сбежали вниз по лестнице, и стук множества ног заглушал биение их сердец.

Выйдя из учебного корпуса, Лин Чжи, тяжело дыша, пытался восстановить дыхание.

Физическая подготовка этого тела оставляла желать лучшего. В свободное время он делал кардио, но с наступлением зимы уроки физкультуры почти всегда проходили в зале, и он

совсем забросил тренировки. Бегать было не нужно, и выносливость снова упала почти до нуля.

«Устал? Давай я тебя понесу?»

Лин Чжи показалось, что у него двоится в глазах. Он посмотрел на Сун Цзячжу с нескрываемым удивлением и недоумением.

Хоть они и вышли из учебного корпуса, до ворот школы было ещё далеко.

У девятой средней школы было два выхода — южный и восточный. Дом Сун Цзячжу находился ближе к восточному, но учебный корпус старших классов располагался ближе к южному. Чтобы выйти через восточные ворота, Сун Цзячжу пришлось бы сделать огромный крюк.

И сейчас, ещё на территории школы, в окружении других учеников, Сун Цзячжу предлагал понести его на спине. Даже Лин Чжи был ошеломлён.

«Если боишься, что увидят, можешь просто уткнуться мне в спину, и никто не разглядит твоего лица».

«А если встретим учителя, скажешь, что подвернул ногу».

Увидев испуг на лице друга, Сун Цзячжу с самым серьёзным видом подкидывал ему дурные идеи. Его лицо сохраняло невозмутимое выражение прилежного ученика, но в душе он ликовал.

Скрытый пол давал ему некоторую безрассудную смелость. Вот бы тот парень с задней парты ушёл чуть медленнее, тогда у него было бы время обсудить с ним тонкости выращивания суккулентов.

Лин Чжи разгадал эту детскую уловку. В его глазах мелькнул огонёк. Он не позволил Сун Цзячжу нести себя, а вместо этого потянул его к южным воротам.

Через южные ворота ходило меньше людей. Этот район начали застраивать позже, и большинству учеников было удобнее выходить через восточные. Даже чтобы попасть в общежитие, нужно было пройти часть пути от восточных ворот и свернуть наверх.

Лин Чжи пошёл туда не потому, что там было меньше людей, а потому, что от южных ворот к административному зданию вела длинная крытая галерея. В это время в административном здании уже никого не было, учителя давно разошлись.

Снаружи галерею обвивали заросли вьющихся растений. Даже сейчас, зимой, поникшие сухие

плети создавали некоторое укрытие, скрывая происходящее от посторонних глаз.

Сун Цзячжу, которого привели сюда, услышал голос идущего впереди юноши.

— Маленький немой, ты что, совсем дурак? Даже если они не увидят моего лица, они увидят твоё. Они же тебя знают. Спросят у кого-нибудь и сразу поймут, кто я. А на следующий день вся школа будет знать, что ты вынес меня на спине.

Юноша и не представлял, насколько он знаменит в школе. Даже те, кто не знал его лично, слышали его имя. Статус гения учёбы сам по себе притягивал внимание, а его досадный недуг добавлял к этому ореолу нотку сочувствия. К тому же он был очень хорош собой, его фотография годами висела в коридоре, и он бесчисленное множество раз получал награды на линейках под государственным флагом.

В редких лучах лунного света Сун Цзячжу смотрел, как Лин Чжи приближается к нему.

— Маленький немой, а ты осмелел. Уже на такое решаешься?

Сун Цзячжу опустил глаза и искренне извинился жестами. Он не хотел, чтобы Лин Чжи привлекал к себе внимание. Он знал, что тот не любит быть в центре внимания. Это он всё не продумал.

Лин Чжи ждал не извинений. Но не успел он и рта раскрыть, как Сун Цзячжу снова попросил прощения.

Это показалось ему странным. В следующее мгновение его притянули к колонне галереи, и горячие губы юноши накрыли его собственные.

Это было обоюдное желание, сокрытое в словах отказа.

<http://bllate.org/book/15821/1438025>